

СОВРЕМЕННЫЙ
РОМАН

Олег Михайлов. «Час разлуки». Роман и новеллы. Издательство «Современник». 1979. 240 стр. 1 руб.

ПРАВО НА ИСПОВЕДЬ...

НАШЕ поколение как-то смолodu тянуло на исповедь. Преждевременная исповедь отталкивает нескромностью претензий, запоздалая — оставляет равнодушным к неуместной в данном жанре мудрости. «Есть время для любви, для мудрости — другое», — сказал Пушкин. И опять был прав. Но, видимо, и для исповеди есть особое время. Критик Олег Михайлов точно его «уловил».

Преодолев сорокалетний рубеж, он пишет книги о Суворове и Державине (серия ЖЗЛ), работает над книгой о творчестве Юрия Бондарева. Отдавая дань михайловскому литературному таланту, я должен заметить, что во всех этих работах то в интонации, то в эпитете, то в каком-то эпизоде улавливается что-то художественно непроработанное, постороннее... Например, в разговор о творчестве Ю. Бондарева вдруг влетают малооправданные экскурсы в собственное «военное» детство. Признаюсь, читая эти книги, я порой досаждал на неизвинительную, как мне казалось, для такого опытного литератора поспешность.

Но вот в минувшем году журнал «Волга» опубликовал роман О. Михайлова «Час разлуки», вышедший сейчас отдельной книгой, а другие периодические издания — несколько рассказов, по прочтении которых я понял: не поспешность мешала автору книг о Суворове, Державине и Бондареве, а постоянное присутствие в сознании постепенно рождающихся образов его собственных художественных произведений. И еще я понял, что без книг о Суворове, Державине, Бондареве не было бы и романа «Час разлуки». Я имею тут в виду не приобретение в ходе работы над этими книгами беллетристического мастерства, а внутреннюю разработку характера главного героя.

При беглом чтении, вероятно, может показаться, что роман О. Михайлова близок последним «городским» повестям Ю. Трифонова. Но я почти уверен, что, когда писалась книга о творчестве Ю. Бондарева, когда уже рождались образы будущего романа, О. Михайлов не смог бы написать книгу о творчестве Ю. Трифонова. Казалось бы, некоторые трифоновские герои очень схожи, к примеру, с бондаревским Никитиным (они люди одного поколения, воевали почти мальчишками, в вузах учились уже после войны, а в настоящем занимаются литературой). А между тем разница огромная. Бондаревские герои прямо-таки навечно «ушиблись» войной, в их сознание и мирочувствование война вошла навсегда. А вот, скажем, главный герой повести Ю. Трифонова «Предварительные итоги» Геннадий Сергеевич лишь однажды, и то мимоходом, сообщает: «Мальчишкой попал на фронт, был ранен под Ленинградом, болел, лечился, потом хватал и грабастал жизнь в веселых послевоенных вузах...». И чем бы другие трифоновские герои (из тех, что воевали) ни отличались от Геннадия Сергеевича, они сходны с ним в удивительном забвении фронтовых лет. И этим не только отличаются, но и противостоят бондаревским героям.

Нет, я вовсе не собираюсь Бондаревым «побивать» Трифонова, у каждого писателя свой «угол зрения» и свой предмет художественного исследования, я просто хотел сказать, что О. Михайлов совсем не случайно обратился к творчеству Ю. Бондарева, чьи произведения позволили ему еще раз очень остро пережить, прочувствовать то не-

забвенное время, когда даже честолюбивые и тщеславные оторченные мечты не отзывались своекорыстием. Но произведения Ю. Бондарева не только уносили в страну его собственного военного детства, но и погружали в реальность бытия неосуществившейся мечты. Потому-то в книге О. Михайлова о творчестве Ю. Бондарева и присутствует то личное, что я поначалу воспринял как постороннее.

Редко кто с такой пронзительной болью вспоминает свое давно ушедшее детство, как герой О. Михайлова. Для них детство — это и есть как бы настоящая жизнь, а все, что было потом, — лишь подготовка к тому, что так и не осуществилось. И здесь О. Михайлов показывает судьбу людей, чье детство пришлось на войну, с еще одной очень существенной стороны. Да, во время войны мы голодали и мерзли, испытывали унижительный страх; но одновременно мечтали и о подвигах. Однако война окончилась раньше, чем мы выросли. Мы завидовали тем, кто воевал, и потому так охотно шли в суворовские училища или в артиллерийские и авиационные спецшколы. Главный герой романа «Час разлуки» в годы войны поступает в суворовское училище, а герои рассказа «Особняк с фонариками» — в авиационную спецшколу.

Всем хорошо известно, каким глубоким чувством ностальгии проникнуты многие рассказы Бунина эмигрантского периода. Вроде бы подобных чувств михайловские герои испытывать не должны, поскольку никто из них даже в мыслях никогда не покидал Родины. Однако все мы вынуждены покидать страну своего детства. И тут михайловских героев роднит с бунинскими глубина и культура ностальгических чувств, священных и бескорыстных при всей небескорыстности многих суетных житейских поступков и намерений.

В стране детства было и холодно, и голодно, и неприятно, но житейские неудобства и трудности перекрывались выстраданным высоким идеалом беззаветного служения Отечеству, когда над ним нависла смертельная угроза. Герои О. Михайлова навсегда остались верными своим прежним, военной поры, идеалам, потому-то вся остальная жизнь как бы только прошлестела, потому-то они с такой болью и погружаются в воспоминания.

Главный герой романа, Алексей Егоров, весьма эгоцентричен, однако этот его эгоцентризм нейтрализуется не то чтобы добротой, а каким-то неизбежным нежеланием творить зло. И тут Алексей в иных жизненных обстоятельствах как бы повторяет своего отца («Мудрейшего»), после смерти которого один из персонажей скажет: «Добрый Мудрейший! Он никому сознательно не сделал в жизни зла!» Действительно это так, но в то

же время он спокойно внимал творящемуся рядом злу. Он слишком рано из участника жизни превратился в ее пассивного свидетеля.

Казалось бы, Алексей, напротив, живет чрезвычайно действительной жизнью, однако если на все его поступки взглянуть со стороны мотивов и движущих им причин, то обнаружится, что в жизни он является не автором, а лишь действующим лицом, как и его отец. И здесь же следует сделать такую оговорку: у Алексея эгоцентризм и злобность — черты не только доминирующие, но и судьбоносные. При всей его кажущейся податливости ничто не может нарушить равновесия этих двух черт характера. И не случайно у окружающих постоянно возникает досада на его неподатливую податливость. Каждому кажется, что Алексеем легко управлять, но в конечном итоге выясняется, что он неуравновешен. Он тоже никак не управляет и, самое главное, не хочет управлять. И вот при всей интенсивности отношений, по сути дела, нет отношений, нет человеческих связей, то есть в главном Алексей повторяет своего отца. Поэтому очень важно и интересно в романе все то, что связано с пребыванием Алексея в родительском доме.

Но Алексей повторяет своего отца не только характером, но отчасти и судьбой. По далеким, довоенным воспоминаниям отец Алексея — кадровый военный — рисуется достаточно жизнерадостным и энергичным человеком. Война. Плен. И перед нами другой человек, который больше напоминает руины личности. Однако «Мудрейшего» разрушил не виденный им масштаб зла, а то, что он прошел мимо своего подвига. Вероятно, подсознательно (порой и сознательно) он готовился к подвигу всю жизнь. Его час пробил, но оказалось, что на подвиг его не хватило. И он понял, что реализовать себя в полной мере он уже никогда не сумеет. И Алексей недаром так часто уносится памятью в то свое прошлое, когда он еще не умел проводить границы между мечтой и реальностью. Вот он встречается со своим бывшим офицером-воспитателем по суворовскому училищу:

«Внизу, у гардероба, где хлюпала невидимая вода, Мызников растроганно сказал:

— Читаю тебя, Алексей. Горжусь тобой, сынок...

— Полноте, — чистосердечно ответил Алексей. — Ведь ерунду пишу. Вот погодите, выйдет мой «Суворова». Я его посвящаю вам — и лично вам, и офицерам-воспитателям, и воспитанникам Курского суворовского училища.

Мызников достал маленький тяжелый значок с профилем старичка, чей бюст стоял в комнате у Алексея:

— Это тебе за «Суворова». И еще — мое отцовское, спасибо!»

Ни с кем другим Алексей не разговаривал — вот так просто и чистосердечно, потому как Мызников от туда, из военного дет-

ства, и слово «Суворова» по-прежнему звучит для них паролем или клятвой. Встреча с Мызниковым на какое-то время заставляет снова поверить в далекую мечту, и в эти минуты Алексей вновь живет сладостным ожиданием подвига. В торжественном молчании принимает он значок с изображением Суворова. А в комнате у него стоит бюст Суворова. Но эти Суворовы разные. Этот — награда, пусть несколько и преждевременная; а тот, «домашний» Суворов, — идол, возле которого все чаще и чаще бьется Алексей, постигая жестокую истину, что вся жизнь прошла в ожидании подвига и все меньше и меньше остается надежд совершить его.

Всей своей жизнью Алексей протестует против концепции «Мудрейшего», но его протест есть лишь в иной форме продолжение им отрицаемого, поскольку все его жизненные силы направлены на протест, а то, во имя чего этот протест поднят, осталось в далеком прошлом, доступном лишь воспоминанию. Если в романе и в рассказах «Московские сны» и «Особняк с фонариками» герои постоянно живут в настоящем и в прошлом, то в новелле «Бессонное окно» жизнь лирического героя тоже протекает в двух временных пластах — в дневном и в ночном. По ночам дневная жизнь не уходит в забвение, она гонит сон, чтобы лучше увиделось то, что плохо видится при ясном свете дня, когда глаза дают передышку сердцу. Когда читаешь эту новеллу, невольно вспоминаются знаменитые пушкинские стихи:

...В то время для меня
влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном
живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья...

«В этот час мне жаль себя,
свою молодость, бездарно и
бездумно растраченные годы —
самые плодотворные, утекшие
впустую, в полулени, в суете
недуманья...

Мне жаль моих родных и
тех, что ушли в Ваганьковский
город мертвых... и тех, кто еще
со мной рядом.

Мне до слез, до содрогания
жаль маму, неуклонно ветшающую,
упускающую капля
за каплей силы и здоровье.
Днем, в деятельные часы бодрости,
меня раздражают
ее долгие телефонные разговоры,
ее милые нелепые заботы
обо мне и сназочные страхи за
мою судьбу. Но ночами я точу
и грызу себя за черствость, за
бездушие, за неспособность
хоть сотню ответить ей на ее
любовь. И только тогда мне
стыдно себя — себя дневного...»

И «ночные» чувства лирического героя новеллы «Бессонное окно» не только углубляют прочтение характеров героев других произведений О. Михайлова, но и приданой всей книге особое философское звучание. Олег Михайлов обратился к нам с исповедью, частью которой не мешают нам утопить и наше собственное наболевшее, но не высказанное чувство.

«Не жаль мне лет, растраченных напрасно...» Искренно так можно сказать лишь тогда, когда ничего именно так не жаль, как напрасно растраченных лет, напрасно не с обыденной точки зрения, а с точки зрения личных жизненных итогов, сверяемых с давними мечтами далекого детства, но не с теми сладостными праздными мечтами, что отлетают навсегда, а с теми, что формируют навсегда высокие гражданские и нравственные идеалы.

Анатолий ЛАНЦИКОВ